

Константин ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

1

Начальник аэропорта «Песчанка» Андрей Петрович с утра чувствовал себя неважно. Давило, давило на голову, и плохо слушалась рука.

«Сосуды, наверное, — думал он с досадой. — И в такой день. Это всё жара, чтоб ей...»

Ему хотелось прилечь, вытянуться, расслабить спину. Но в домике аэропорта он был не один. В коридорчике перед распахнутой дверью сидели ещё двое, молодая женщина в ярко-желтых кроссовках на босу ногу и крупный пожилой мужчина в свитере, кепке и сапогах. Через пару дней в посёлке ожидали рейс, и они пришли за билетами. Не то что разговор, даже мысли были ему сейчас в тягость, но молча посетители сидеть не могли.

— Вот ты, Петрович, человек военный, — интересуется женщина. — Скажи, сколько мово в учебке продержат? И чего бы парня не наладить в часть сразу?

— В учебке не держат, в учебке учат с утра до ночи, — отвечает Андрей Петрович, не отрывая глаз от стола. Он старается попасть ручкой в узенькую строчку на бланке, близоруко шурится и тяжело дышит.

— Чему учат-то?

— Коллективу учат, Алексеевна, коллективу. Чтoб товарища рядом чувствовал, ответственности, дисциплине. Ну и оружие, само собой.

— Да знаем мы, какая сейчас ответственность в армии, — вступает мужчина в свитере. — Бардак. Вот в наше время...

— А в части, там уже боевая работа, там приказ. Твоего парня я знаю, не волнуйся, — успокаивает женщину начальник. Копию билета он бросает в ящик стола, а сам билет отдаёт женщине.

— Это у нынешних-то дисциплина, сказал

ЗА ТИХОЙ РЕКОЙ В БЕРЕЗОВОЙ РОЩЕ

рассказ

тоже, — брюзжит мужчина. — Работать не хотят, учиться не хотят. Вот нас, помню, поднимут по тревоге, и тридцать километров...

— Ты где, Степаныч, служил? — обрывает его Андрей Петрович.

Мужчина не отвечает, он тяжело ёрзает и сопит.

— А нам болтать не положено. Подписку давали.

— Да здесь он околачивался, — отвечает женщина. — У пограничников на складе прапором просидел.

— Дура! — завёлся мужчина. — Что ты понимаешь в армии? На складе...

Дело к обеду. Мужчина в свитере, а за ним женщина уходят в посёлок. Тротуар длинный. В распахнутую дверь Андрей Петрович видит, как фигуры тают, растворяются в мареве болотных испарений. Стихает и тоже будто растворяется в раскалённом воздухе шарканье обуви по дощатому настилу.

Он выходит, запирает большим ключом внутренний замок и пытается приладить поперёк двери металлическую полосу. В этих местах полосы-поперечины используют всюду. Они и в деревенских хозмагах, и на почтовой двери, и даже удерживают грузы в рыбацких карбасах. Называют их «перетягами». Левая рука начальника занята большим замком, а правая слушается плохо. Полоса раз за разом звякает, падает, втыкаясь одним концом в доски тротуара.

Наконец «перетяга» на месте и замок заперт. Андрей Петрович устало присаживается в жидкой тени на чурбачок, вынимает носовой платок, такой же аккуратный, как его голубой аэрофлотовский костюм, и ослепительно белый, как сорочка. Вытирает платком лицо и шею и долгим взглядом смотрит на поле аэродрома в высокой непрямой траве, на тонкую нитку дальнего леса и на облака.

«Отдохну немного в теньке и домой, — думает Андрей Петрович. — Катерина ждёт».

Домик стоит на границе аэродрома, за ним болото, а за болотом посёлок. Куда ни глянь, сквозь жесткую траву пробиваются солнечные блики. Это не вода. Это застоявшаяся жидкость неопределенного цвета и запаха. Болот-

ные запахи поднимаются из осоки, наплывают и овевают домик. Запахи густы настолько, что кажутся видимыми.

Крайний Север вокруг на долгие сотни километров. Самый краешек бесконечной тундры. Край, про который обычно говорят: можно бы дальше, да некуда. Пять лет он здесь и никак не может привыкнуть ни к погоде, что меняется три раза на дню безо всяких причин, ни к здешнему пейзажу. Вот, скажем, облака. Минуту назад их и за километр не было видно, а теперь пожалуйста. Облака плывут низко, задевают серыми лохмотьями хвост самолётика, что сиротливо стоит на противоположном краю лётного поля, весь какой-то понурый, будто обиженный.

2

Андрей Петрович оказался здесь по воле случая и, как ему казалось поначалу, на год-два. Произошло это в самый трудный для него час. Он долго и тяжело лечился. И чем ближе надвигалась на него беда под названием ВЛК — врачебно-лётная комиссия, тем более замкнутым и злым становился. Он знал, что у него нет шансов. Комиссия спишет не только с лётной работы, но и со службы вообще.

«Хотя бы оставили, — без всякой надежды думал он угрюмо. — На вышке бы посидел диспетчером или в штабе где. Но не оставят...»

...После комиссии в коридоре его догнал седой полковник в накинутах на плечи халате. Госпиталь был наполнен привычным дневным шумом, шарканьем тапок, звяканьем подносов и склянкой из процедурной. Ему хотелось поскорее во двор, уйти, забыться.

— Одну минуту, Андрей Петрович...

На заседании в госпитальном конференц-зале, где только что решилась его судьба, полковник не выступал, листал бумаги и только коротко взглядывал на Андрея Петровича.

«Утешить вышел. Сострадание проявить», — зло подумал Андрей Петрович.

— Что ещё, полковник? Списали, и ладно. О чём разговор?

— Совет хочу дать. Послушай. Если расчи-

тываешь ещё пожить, брось город и найди тихое место поближе к природе. Иначе не протянешь и года, поверь мне, старику.

— Что, так плохи мои дела? — хотел съязвить Андрей Петрович. Но получилось неважно, показалось даже, немного жалковато, и от этого он ещё больше рассердился.

— Моторесурс у тебя выработан весь. Другому бы не сказал, но вижу, ты мужик крепкий, не сопьёшься.

— То-то ждут меня, инвалида, в тихих местах.

Полковник достал блокнот, полистал, нашёл визитку:

— Тут у нас обследовался областной начальник по авиационной части. Он в прошлом из ваших афганских летунов. Позвони...

«Жара-то ладно, — думает Андрей Петрович, расслабленно сидя на чурбачке в тени домика. — Жару-то повидал. Но воевать при такой погоде, тут уж извини, тут на самом деле здоровье требуется железное».

Он прикрыл глаза, и тотчас за мутным стеклом блистера поплыли выцветшие, красно-жёлтые, как эта трава, скалы. Он вспомнил себя в кабине вертолёта, почувствовал напряжение, подобрался, ощутил ладонью шершавую рукоять шаг-газа, и злой азарт, какой ощущал всякий раз при заходе в атаку, подкатил к сердцу откуда-то изнутри...

И скалы, скалы полетели вниз, совсем рядом. И потянулись нескончаемо длинные, томительные секунды. Даже струйки пота под шлемофоном будто бы шекотно побежали к подбородку. И радость растеклась теплом в груди...

«Вот она, настоящая боевая работа! — подумал он с восторгом. — Не забыл! Ай, не забыл...»

И снова, как много раз на далёкой теперь войне и тысячу раз после, в госпитале и дома, он стал напряжённо вглядываться в горные расщелины, чтобы заметить мгновенную вспышку ПЗРК и успеть увести машину в вираж, уклоняясь от ракеты, или накрыть НУРСами короткие плевки крупнокалиберного ДШК за обломком скалы...

«Это моё, это настоящее, — запело в душе. — Вот для чего я и нужен на этом свете...»

Андрей Петрович открыл глаза и почувствовал, что устал.

— Да, брат, — упавшим голосом сказал себе. — Отлетались мы с тобой.

3

Жара стояла и тогда, в середине декабря 86-го, в крайнем их вылете с Витей. Как это вышло тогда, в тот день шесть лет назад? И главное — почему?

Андрей Петрович вспомнил лица ребят из группы спецназа на борту, сосредоточенные и жесткие, автоматные магазины в узких карманах вытертых о камни разгрузок, рыжие от пыли, сбитые носки сапог... Где они, живы ли? Как бы он хотел обняться хоть с одним из них, посидеть за рюмкой водки, повспоминать, как это случилось только один раз в госпитале: кто и откуда заходил, кто на кого надеялся и кого прикрывал в тот неудачный день...

...Их с Виктором выпустили парой на перехват каравана, и они нашли его и высадили спецназ: Витя с одной стороны тропы, северной, а он с юга. А потом стали утюжить ракетами и пулемётами, чтобы помочь ребятам из группы.

И как они не заметили пуска, до сих пор непонятно ему. Должны были заметить и не заметили. Витина машина упала на склон и загорелась. Так бывало всегда: вначале чёрный вонючий дымок, потом уже и пламя. Хорошо, не было сильного ветра. Он сел неподалёку на плоский каменный пятак в десяток метров, и они принялись на борт экипаж, все в крови, и Витя был ещё жив...

Он совершенно не помнит, как действовал в те минуты. Не мог вспомнить ни тогда, на аэродроме, ни позже в командирском уазике, когда по тряской дороге его везли в госпиталь. Полковник всё спрашивал, спрашивал и зло матерился, а он в полубреду повторял только про пятак, всех в крови и что Витя жив, Витя жив...

...Он бы сам ушёл в тот раз и ребят выгасил. Не впервой. Но какая-то скотина пробила-таки маслопровод пулемётной очередью вдогон. И до последнего дня он не забудет смертельный вой

умирающего двигателя и тишину, свалившуюся на них сразу после...

Андрей Петрович тяжело вздохнул. Что и говорить, сегодня у него тяжёлый день. День этот приходит всякий раз с жарой и муками, от которых, если честно признаться, и в другие дни спрятаться бывает некуда.

«Что стало бы со мной, если не Катя, — подумал он с нежностью. — Днём сидел бы на проходной охранником, а вечерами пил. Если бы вообще выкарабкался, что навряд ли».

В госпитале Андрей Петрович решил, что нужно просто пережить. Просто жить, и всё. Прошлое само по себе затуманится, забудется, стихнет. Они все так думали там. И он долго был убеждён, что так и будет, и даже втайне надеялся как на избавление. Оказалось, никуда оно не девается, и душа болит даже больше, чем раньше. Почему так, не понимал он.

«Спрошу у Кати, — решил и поднялся с чурбачка. — Она всё-таки доктор, должна знать».

4

Посёлок, в котором стоит его дом, при лесозаводе и выстроен на опилках. Завод скоро как два века пилит лес, засыпает опилками тундру вдоль реки и ставит на них дома для рабочих. Андрей Петрович привык к тому, что кругом только опилки, опилки и опилки. Старые, почерневшие, и свежие, ярко-жёлтые, — ими заполняют дорожные выбоины. В палисадах домов поселковые жители насыпают поверх опилок землю, выращивают клубнику и огурцы под плёнкой.

Как и другие здешние обитатели, он смирился, что тротуары и проезжая часть автомобильных дорог выстланы досками. Доски уложены прямо на опилки, пружинят под ногой, «играют», как здесь говорят. Иногда он думает, что если бы залетел сюда хозяйственный южанин, где древесина всегда в жестоком дефиците, точно сошёл бы с ума от вида втоптанного в опилки пиленого богатства. Резкий древесный запах заполняет всё здешнее пространство и поначалу дурманит голову.

— Ну, как ты сегодня, родной, тяжело? Прошу, одевайся легче, ведь жара несусветная, а ты...

Катерина поддержала Андрея Петровича под локоть, провела в сумеречную прохладу комнат.

— Отдохни, я сейчас на стол накрою.

— Ты же знаешь, сегодня я должен быть в форме, и всё равно пилишь.

— Да не пилю, не пилю...

«Господи, до чего же он ещё слабый, — подумала она. — А характер всё такой же...»

Дом у них просторный, из нескольких комнат и с мансардой, на которую ведёт лестница, крашенная желтой половой эмалью. В комнатах иконки в углу, шкафы и полки с книгами, модели вертолётов, фотографии. Весёлые ребята в шляпах-афганках и шлемофонах смотрят из прошедшей молодой жизни. За спиной у ребят вертолёты, а за вертолётами только горы и горы.

Андрей Петрович вышел к столу в парадном кителе с погонами подполковника, торжественный и даже будто бы немножко строгий. Он поставил во главе стола стопку и накрыл краюхой хлеба. Потом ушел в комнату и вернулся с парадным кителем в майорских погонах, с медалями и орденом Красной Звезды. Повесил китель на спинку свободного стула.

— Вот и Виктор с нами. Ну, с праздником вас!

Они выпили и налили ещё раз, а третий тост подняли традиционно, не чокаясь, за Виктора и за всех не вернувшихся с войны. А потом стали вспоминать и почему-то начали с танцев в училище. Ах, какие это были танцы! Ах, какой у них был курсантский ВИА! А Виктор был лучшим в танцах и спорте, а уж юморист, какого не будет больше в училище...

— Он и в части считался первый хохмач, — с улыбкой вспоминал Андрей Петрович. — Летим как-то вдоль советской границы, и Витя говорит: «Командир, вправо не пойдём, там водка по талонам». Или в другой раз доставляем на точку медбригаду. В бригаде женщина-врач в погонах старлея. Он по радио предупреждает: «Командир, по инструкции баба на борту — предпосылка к лётному происшествию». Ему по радио: «Какая ещё баба! Это офицер. Не засоряйте эфир!» Он: «Да пошёл ты... Кто на связи?» Ему: «Два ноля первый...»

Ого! Командующего авиацией послал. Думали, ну, теперь сойдёт в службу авианаводчиков — был у нас такой штрафбат для летунов. Нет, обошлось. А правых лётчиков, которые только из училища, с Витиной подачи стали называть «единственной деревянной деталью на вертолёт»...

5

И такой лёгкий получился у них разговор в этот день, хоть и тема тяжела, и война, и утраты. Только грустинка чувствовалась в интонации и словах, куда же без неё. От того, наверное, что в прошлом всё. Было, было, и не вернёшь теперь, никак не вернёшь. Да и надо ли возвращать, тоже большой вопрос.

В окнах веранды беззаботно и тихо летели пухлые подушки облаков, и каждая в оторочке из сереньких завитков. Во дворе у забора совсем по-детски толкались и пищали воробьи, дружно обсевшие края кошачьей миски с водой.

— Ты не знаешь, почему так происходит? — спросил Андрей Петрович. — Прошлое уходит, а помнится сильнее. Не проходили в институте?

Она встала из-за стола, поставила на газ кофейник и, помешивая ложечкой закипающую воду, молчала.

— А, Кать?

— Не знаю, Андрюша. И никто не знает. Может, для того, чтоб мы людьми оставались?

А она вспоминала сейчас, как познакомилась на танцах с Виктором. Андрей учился двумя курсами старше Виктора, носил на рукаве четыре золотые нашивки, старшекурсник, авторитет. И потом себя, выпускницу медфака, на скромной собственной свадьбе рядом с новоиспечённым лейтенантом...

Андрей прилетел из части свидетелем на их торжество, уже кое-что повидавший строевой лётчик. Как звал её с собой, растерянную, смущённую, как уговаривал и горячился. Прямо от свадебного стола готов был увести. И про квартиру говорил, которую дадут вот-вот, и про очередное звание, будто бы представление уже написано. А у Виктора, мол, вилами на воде писано. Даже общежитием пугал...

Они всё время боролись за неё. Она это знала. Ребячье соперничество нравилось ей, даже льстило, хотя, как водится, злилась иногда, фыркала на них, больше для острастки.

Что случилось потом, вспомнить страшно...

Война, это известие, и «чёрный тюльпан», и прячущий глаза виноватый офицер, очень к тому времени нетрезвый, со словами, в которые невозможно поверить и от которых хотелось упасть на землю и выть.

Как она жила первые месяцы после, помнит смутно. Сидела на приёме, говорила какие-то слова, выписывала рецепты. Автомат, робот... Знала точно только одно: жизнь кончилась и нужно привыкать к этому.

Кофе вскипел. Катерина сняла ложечкой пенку и поставила кофейник на стол, чтоб отстоялся. Потом достала чашки, и они тонко звенели в её руках, стучали о блюда.

Она вспомнила их встречу с Андреем здесь. После госпиталя его комиссовали, и он привёз Витины вещи и награды в красивой коробочке с арабской вязью. Были там и её письма, одно нераспечатанное...

Она попыталась налить кофе. Рука дрогнула, и парящая коричневая струйка пролилась на клеёнку. Воробьи во дворе дружно брызнули от кошачьей миски. С минуту у воды не было никого, а потом показалась ворона. С раскрытым клювом и отчаянными глазами, выглядела она смешно, такой, как рисуют в мультиках. Они бы не удивились, заговори ворона сейчас таким же противным человеческим голосом. Постоянно озираясь, ворона напилась и боком-боком ускакала под навес.

— Помнишь, Андрюша, какая жара стояла тогда? — улыбнулась Катерина. Она справились с волнением и налила кофе себе и немножко ему.

— Да уж, устроил тебе переполох.

Она помнит тот вечер по минутам. Они с Андреем поговорили, поплакали, и он пошел на пристань, чтобы плыть на катере в город, — исхудавший, пиджак на нём как на вешалке. Он остался один ещё до войны. Жена ушла, когда на командировку в Афган согласился.

Не все ведь соглашались. Некоторые партбилеты бросали на стол, лишь бы не ехать.

Попрощались, а у самой сердце ноет: «Зачем уезжает? Куда? Ведь пропадёт один». Но смалодушничала, промолчала — отпустила. Потом будто толкнуло что. Выглянула во двор, а он возле калитки лежит. И первое, о чём подумала: «Господи святы, да у меня больше нет никого во всём белом свете...»

— Решила, если тебя похороню, то и сама... Чего ради мне тут...

— Ну-ну! Ты это брось! — запоздало пристрожил жену Андрей Петрович.

И когда навспоминались, и напечалились, и замолчали за столом, думая каждый о своём, Катерина запела. Голос у неё звонкий, совсем как у девчонки:

*За тихой рекою в берёзовой роще
Распустится первый весенний цветок,
И я загадаю желанье попроще,
И, перекрестившись, взгляну на восток...*

Песня текла плавно, как тихая река. И веяло от неё и лёгкостью, и мудрым спокойствием, и грустинкой, что витали за столом в такой день. Да, да, и гарнизонные скитания, и боль, и утраты — всё знали они. Но не только у них это

было в разлюбезной нашей Отчизне. И не теперь только. Но жизнь продолжается, и с этим ничего не поделаешь.

А потом хрипловато вступил Андрей Петрович.

*Окрасится небо багровой зарёю,
И вечное солнце над миром взойдёт,
И белая птица взлетит над землёю,
И Божье прощенье с небес принесёт...*

Он встал из-за стола, обнял её сзади, поцеловал в макушку.

— Спасибо тебе за всё!

Она прижалась щекой к жесткому сукну мундира. От него пахло старым платяным шкафом и немножко жжёной резиной и отработанным авиационным керосином — вечными спутниками аэродромов. Но ей это только показалось, наверное. Потом потянулась к соседнему стулу и легонько погладила майорский мундир по погонам и груди.

— Я знаю, Виктор с нами. Да, Витя?

И медали отзывались на её руку и нежно перезванивали в ответ, будто колокола далёкой церкви за лесом.

2015 г.

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

— публицист, писатель,

окончил факультет журналистики ЛГУ

и более 30 лет работал в периодических изданиях

Карелии сотрудником и главным редактором.

Лауреат международной литературной премии

Союза писателей России «Полярная звезда»,

победитель Всероссийского литературного конкурса

«Бородино» губернатора Московской области,

лауреат премии Республики Карелия

в области литературы (2008 и 2014 гг.),

премии журнала «Север» и специальной премии Союза

журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;

заслуженный работник культуры Российской Федерации.

